

РЕЦЕНЗИИ

ЭО, 2009 г., № 4

© А.Л. Елфимов. Рец. на: А.А. Никишенков. *История британской социальной антропологии*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008. 496 с.

Начну с того, что эту книгу ждали долго. Она могла выйти несколько лет назад. Она могла выйти давно. Коллеги знали, что она "на подходе" – и какое счастье, что она наконец подошла. Аспиранты могут радоваться, и студенты могут трепетать. Больше сослаться на отсутствие внятной литературы по предмету им будет нельзя.

Выход этой книги действительно важен, особенно ввиду того долго печалившего специалистов факта, что в последние полтора десятилетия под названием "социальная антропология" появилось очень большое количество учебной литературы, от которой нужно тщательно оберегать студента. Историографы-зарубежники хорошо знают, что курсы по истории и теории дисциплины в последнее время приходилось начинать не столько с рекомендации того, что необходимо читать, сколько с рекомендации того, что читать *не* следует. Что ж, такова сегодня, как мы часто говорим, "наша специфика".

Кроме того, рекомендуемую литературу для такого рода курсов приходилось собирать по очень разрозненным источникам – и ситуация вполне ясна из историографического обзора в начальных главах книги А.А. Никишенкова. Специалистов, интересовавшихся британской антропологической традицией и следивших за теми или иными аспектами ее развития, в российской/советской этнографии было немало. Статей, написанных ими и разбросанных по самым разнообразным сборникам и журналам, тоже, казалось бы, не так уж мало. И все же единственным обобщающим трудом по теме в течение вот уже третьего десятка лет оставалась более ранняя монография того же А.А. Никишенкова (*Никишенков* 1986) – монография, которую найти сегодня весьма трудно и к которой сам А.А. Никишенков относится, как мне кажется, с несколько излишней самокритикой (впрочем, как автору, мы, наверное, можем ему ее простить).

Однако новая книга автора – действительно новая во всех отношениях. Она – не доработка и даже не переработка старой. Она другая и по жанру, и по стилю, и по содержанию. Если книгу 1986 г., и в самом деле, можно назвать специализированной монографией, то новая книга – скорее, пример того жанра, который в полном смысле заслуживал бы заголовка "Все, что вы хотели знать о британской социальной антропологии, но боялись спросить". Она – не учебник, не справочник, не монография: она – и то, и другое, и третье одновременно.

Однако новая книга автора – действительно новая во всех отношениях. Она – не доработка и даже не переработка старой. Она другая и по жанру, и по стилю, и по содержанию. Если книгу 1986 г., и в самом деле, можно назвать специализированной монографией, то новая книга – скорее, пример того жанра, который в полном смысле заслуживал бы заголовка "Все, что вы хотели знать о британской социальной антропологии, но боялись спросить". Она – не учебник, не справочник, не монография: она – и то, и другое, и третье одновременно.

Алексей Леонидович Елфимов – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, внештатный сотрудник кафедры антропологии Университета Райса (США).

Формально изложение материала в книге построено по классическому историографическому принципу и проводит читателя от предыстории и истоков до современного этапа. История изучения предмета, методологические основы, предпосылки складывания школ – ничто не оставлено в стороне, и все находится в тех местах, где должно находиться.

Историографический обзор, представленный в открывающих книгу главах, пунктуален, но вызывает некоторое чувство грусти, поскольку с самого начала дает понять, какой обширный корпус научного творчества, вошедший в копилку международной антропологии, так и остался за пределами мира русскоязычных публикаций. (Увы, и это одна лишь британская антропологическая традиция – стоит ли вспоминать, что точно так же обстоит дело, например, и с американской, и с немецкой традицией?) Большая часть источников и литературы, которые обсуждает А.А. Никишенков, недоступна среднестатистическому российскому студенту и преподавателю и в оригинале. То есть недоступна никак.

Иными словами, можно, с одной стороны, радоваться, что теперь есть такая прекрасная обзорная книга, как рецензируемый труд автора; но, с другой стороны, она же и демонстрирует то, что отставание в деле "освоения"¹ классического и современного багажа одной из фундаментально важных антропологических/этнографических традиций выросло до удручающих масштабов. (И мне кажется, да простят мне коллеги мой пессимизм, что пробел уже, к сожалению, невосполним – все слишком запущено, и, возможно, теперь надо как-то начинать с чистого листа, оставив то, что не пройдено.)

Главы Части I, посвященные идейным истокам и основоположникам британской антропологии, очень информативны и, по сути дела, вводят читателя не в один лишь сугубо "британский" контекст развития знания, но в более широкий мир представлений и интеллектуальных проблем, в рамках которого начали оформляться европейские антропологические традиции. Взаимовлияние и перекрестия английской, шотландской, французской, немецкой философской мысли; кристаллизация понятий о законе и прогрессе, культуре и цивилизации, эволюции и стадиях развития, единой природе человека и разнообразных "расах" человеческого – все это отражено в этих грамотно написанных главах. Безусловно, весь набор "классиков" XIX в. от Мейна, Лёббока и Мак-Леннана до Тайлора, Фрэзера и Риверса (и многих других викторианцев, плохо известных нам сегодня) присутствует в обзоре.

Главы Части II посвящены разбору того этапа в развитии науки о народах в Великобритании, который, пожалуй, лучше всего известен отечественным исследователям и с которым, собственно говоря, в России чаще всего и ассоциируется "британская социальная антропология" как таковая, – этапа становления так называемой структурно-функциональной школы в межвоенный период. Деятельность, взгляды, нюансы творчества и перипетии научной карьеры Бронислава Малиновского и Альфреда Рэдклифф-Брауна (трусам которых через три четверти века все же посчастливилось быть переведенными на русский язык) скрупулезно и детально рассматриваются автором, и данные главы, на мой взгляд, нужно рекомендовать студентам-антропологам (этнологам, этнографам – как угодно) в качестве "программного" чтения в дополнение к самим трудам Малиновского и Рэдклифф-Брауна.

Впрочем, еще более пристальное внимание, как мне кажется, необходимо привлечь к материалам следующих глав (III и IV), в которых разбираются послевоенные пути развития структурно-функционального направления – те, что в общем и целом известны отечественному гуманитарии и обществу в гораздо меньшей (в то время как на самом деле, конечно, именно их спектр ответствен за окончательное оформление в научном дискурсе того символического "бренда", который дан нам в названии "британская социальная антропология"). Во многих отношениях, как заметил однажды Клиффорд Гирц, мы должны признать, что все-таки, «наверное, Фёрс – наш самый последовательный "малиновскианец", а не сам Малиновский; а Фортес настолько затмевает Рэдклифф-Брауна, что лишь заставляет нас удивляться тому, как он мог считать его своим учителем» (Geertz 1988: 20). Эдвард Эванс-Причард, Виктор Тэрнер, Макс Глакмен, Эдмунд Лич, а также (если продолжить словами самого Лича) «Фёрс, Шапера, Фортес, Надель и другие... ответственные за высокий престиж, который приписывался "британской"

социальной антропологии в 1950-х и 1960-х годах» (Leach 1984: 11), – со всей этой блестящей когортой исследователей познакомят читателя данные главы книги.

Наконец, чрезвычайно важными для понимания многих проблем современной (как и "прошлой") антропологии мне представляются рассуждения автора в главах Части III, посвященных рассмотрению антропологии как проекта социальной инженерии, а также рассмотрению морально-этических аспектов прикладных исследований, сложной связи антропологического знания с историческим наследием колониализма и дилемм научно-познавательной деятельности вообще. Этот раздел книги в некотором смысле останавливает внимание и заставляет переосмыслить все, о чем говорится в других разделах, с некой альтернативной точки зрения. Этот раздел – раздел "рефлексии" на наше собственное место в науке как многоаспектном предприятии со всеми его внутренними конфликтами и противоречиями.

Книга, одним словом, полна важной информации и интересна от начала и до конца. Есть ли в ней (как, видимо, диктуют правила жанра рецензии) какие-то проблемные и неоднозначные места, вызывающие замечания? Наверное, есть. Хотя думаю, что это тот случай, когда автор – лучший судья. На мой взгляд, раздел о развитии британской антропологии в 1950–1960-х годах (т.е. в то, что называется "post-Malinowskian" период) следовало бы расширить, поскольку в отношении этого периода в познаниях и представлениях отечественного дисциплинарного сообщества на сегодняшнем этапе – гораздо больше темных пятен, чем, скажем, в отношении деятельности Малиновского и Рэдклифф-Брауна. Хотя по сути это замечание является "вкусовым", так как, с педагогической точки зрения, большее внимание, уделенное программным постулатам, заложенным Малиновским и Рэдклифф-Брауном, представляется оправданным.

Некоторые, вероятно, могут посоветовать на то, что изложение в книге доводится примерно до этапа 1980-х годов (в то время как 1980-е – это период, удаленный от нас действительно, уже на четверть века). Однако, я уверен, А.А. Никишенков может парировать совершенно правильным указанием на факт, что книга называется "История британской социальной антропологии", а с начала 1980-х годов для дисциплины, называвшейся таким образом, начался этап болезненной внутренней трансформации – этап, вылившийся в то, что в последние десятилетия XX в. она по существу перестала быть "социальной" и стала развиваться по пути того, что представляет собой гибрид британской, американской и континентальной европейской традиций (сегодня все чаще условно называемый "социокультурной" антропологией). Обо всем этом автор говорит уже в начальных главах книги. Потому остается лишь заметить, что жанр "истории" дисциплины – это жанр, не имеющий (и не терпящий) завершения. *Всю* историю написать невозможно, и нужно придерживаться критерия необходимости и достаточности. Считаю, что тот объем материала, который представлен нам на рассмотрение в этой книге, – ограничен резонными рамками и имеет (более чем!) необходимую полноту.

Что касается всего остального – не мне критиковать эту прекрасно написанную книгу (никто другой не написал бы ее так, как А.А. Никишенков). Однако, так сказать, в духе верности учителям, не могу не быть пунктуальным и не указать на один общий (или он конкретный?) момент, с которым все же, увы, не могу согласиться, – а именно с общей характеристикой британской социально-антропологической традиции как традиции, отмеченной "органичным сочетанием двух... познавательных ориентаций – позитивистской и герменевтической" (с. 459). Автор указывает, что данное органичное сочетание можно считать "одним из достижений этой науки". Думаю, что такая характеристика – это, на языке самих британцев, в некотором роде *stretch*, "натяжка", и вряд ли можно говорить о присутствии герменевтической ориентации в британской социальной антропологии в какой-либо степени, позволяющей говорить об органичности ее как методологического или теоретического дополнения. Британская социально-антропологическая традиция как раз неоднократно критиковалась за отсутствие концептуального интереса к той связке языка и мышления, которая лежит в основе подходов, условно называемых в антропологии герменевтическими². В самом деле, в этом частном отношении, она довольно бедна по сравнению с американо-германской традицией антропологического поиска.

Да, элементы герменевтического подхода были у *отдельных* представителей британской дисциплины, в *отдельных* трудах, но они были скорее исключением, чем правилом. Эванс-При-

чард в его "герменевтической" ипостаси был маргинальной фигурой для британской традиции. У пары других "неортодоксов", Лича и Нидема, интерес к языку и мышлению присутствовал, но лежал в иной – структуралистской – плоскости (не в герменевтической). Другим по характеру (в самом деле, инструменталистским и функционалистским) интерес к языку и письменности был и в исследованиях Гуди. Даже интерес к символу у Дуглас, ученицы Эванс-Причарда, сместился в зону между современным структурализмом и классическим дюркгеймианством – зону, порой концептуально обозначаемую в антропологической историографии как "неодюркгеймианство", – и, в этом смысле, при всех видимых теоретических пересечениях, ученица все-таки отошла в сторону от направления, в котором мыслил учитель (да и вообще, ответ на вопрос о том, в какой степени Мери Дуглас можно считать типичным представителем британской социальной антропологии, колеблется в зыбком промежутке между "скорее нет, чем да" и "скорее да, чем нет"). И примеры стремительно кончаются.

Словом, я абсолютно согласен, что в британской социально-антропологической традиции много сильных сторон, но полагаю, что вряд ли герменевтическая – одна из них. Тем более, что в самом повествовании в книге А.А. Никишенкова... я не нашел других конкретных примеров герменевтического подхода как такового, кроме примера, связанного со случаем Эванс-Причарда! Однако, как бы то ни было, это не имеет никакого отношения к качеству рецензируемого труда, и я вижу в этом лишь искреннее желание А.А. Никишенкова видеть британскую социальную антропологию лучше, чем она есть (что выдает в нем исследователя, полного эмпатии и симпатии, в лучшем этнографическом смысле этих слов).

Чего нельзя отнять у британской социальной антропологии и чему отечественной антропологической/этнографической дисциплине никогда не поздно у нее поучиться, это то, что А.А. Никишенков называет "особой интеллектуальной культурой перекрестного диалога" – культурой, действительно, органически сложившейся и воспитавшейся в ней и сделавшей социальную антропологию в последней трети XX в. пристальным объектом внимания, и даже подражания, в сфере гуманитарных и социальных наук. Убеждение, выраженное в словах Раймонда Фёрса: "Я верил раньше, как и продолжаю сейчас, что социальная антропология по самой своей природе должна вызывать гораздо больший интерес, чем тот, который генерирует ее узкий специализированный рынок" (*Firth 1975: 4*), – это, в контексте британской социальной антропологии, специфический этос, цельности которого можно только позавидовать.

Потому, безусловно, рецензируемая книга актуальна в самых разных отношениях и имеет дополнительную педагогическую наполненность в условиях продолжающейся неопределенности в образовательных и исследовательских стандартах в той общей сфере, что известна нам как социальная антропология, этнология или этнография.

Книгу приятно читать. Ее отличает слегка скептический, слегка ироничный стиль, выработанный у А.А. Никишенкова за долгие годы его диалога с британскими "джентльменами науки", – стиль, который, конечно, услышат на страницах книги те, кто некогда слушал лекции автора или знает его как коллегу.

Текущий год – юбилейный для автора, и, возможно, ему особенно приятно, что книга эта увидела свет именно в этом году. Что ж, а нам остается лишь надеяться, что в новой декаде автор решится на то, что в журналистском языке называется *sequel*, – продолжение, в котором мы услышим о том, что стало с британской антропологией на сложном современном этапе, когда она перестала быть "социальной" и стала "социокультурной" или какой-то иной.

Примечания

¹ И под "освоением" я имею здесь в виду не изучение, а просто перевод корпуса необходимой литературы на *свой* язык. Слово "освоение" в данном контексте передает на удивление верный нюанс, ибо, как нередко замечал и сам А.А. Никишенков, перевод труда с "чужого" языка чрезвычайно важен даже и не потому, что делает его более доступным (в смысле возможности покупки книги или нахождения ее в библиотеках), но потому, что делает его "своим". Перевод мгновенно встраивает труд в *свой* дискурс. Переведенная работа превращается из "эзотерической" в "домашнюю", она начинает "играть" с другими работами, находящимися в дискурсивном

поле, и интеллектуальные поиски получают чрезвычайно важный толчок. Кампания по интенсивному переводу зарубежной гуманитарной литературы на английский язык в США 1980-х годов, например, сыграла существеннейшую роль в том активном всплеске исследований, что имел место в антропологии 1990-х годов.

² Р. Дарнелл, "историограф № 2" в области англо-американской антропологии после Д. Стокинга, подробно рассуждает об этом, например, во вводных главах своей книги о теоретических генеалогиях антропологических традиций XX в. (*Darnell 2001*).

Литература

Никишенков 1986 – *Никишенков А.А.* Из истории английской этнографии. Критика функционализма. М., 1986.

Darnell 2001 – *Darnell R.* A History of Americanist Anthropology. L., 2001.

Firth 1975 – *Firth R.* An Appraisal of Modern Social Anthropology // *Annual Review of Anthropology*. 1975. Vol. 4. P. 1–25.

Geertz 1988 – *Geertz C.* Works and Lives: The Anthropologist as Author. Stanford, 1988.

Leach 1984 – *Leach E.* Glimpses of the Unmentionable in the History of British Social Anthropology // *Annual Review of Anthropology*. 1984. Vol. 13. P. 1–23.

ЭО, 2009 г., № 4

© **Л.Н. Пушкарев.** Рец. на: *Фольклор и современность (Савушкинские чтения). IV–V. Материалы Всероссийской научно-практической конференции.* М., 2007. 272 с.

Сборник научных статей, посвященный памяти Нины Ивановны Савушкиной (1929–1993) – доктора филологических наук, профессора МГУ, известного фольклориста, педагога, собирателя и популяризатора традиционной русской культуры, подготовлен ее соратниками и учениками (редактор, составитель и автор предисловия и комментариев О.Б. Балашова). Сборник содержит как исследовательские статьи и публикации, так и материалы по педагогике фольклора. Авторы – не только известные ученые, но и преподаватели, студенты, аспиранты и даже юные собиратели и исследователи произведений устного народного творчества.

Сборник открывается воспоминаниями о Н.И. Савушкиной ее учеников, друзей и коллег, богато иллюстрированными фотографиями участников фольклорных экспедиций, которыми она руководила. Для этнографа особый интерес представляют статьи, собранные в первом разделе сборника – "Фольклорно-этнографические разыскания на современном этапе". Авторы из Москвы, Владимира, Ижевска и Казани сообщили о своих наблюдениях в области бытования различных фольклорных жанров. Так, П.А. Бородин обратился к одному из самых современных и живых жанров фольклора наших дней – к анекдоту. Он рассказал о проникновении в него сказочных образов, пословичных оборотов, элементов поговорок и т.д. Его статья читается с интересом, однако ее заглавие расходится с ее содержанием. Поставив задачу проследить "взаимодействие" анекдота со сказкой и малыми жанрами фольклора, автор ограничился лишь анализом проникновения сказочных и пословичных элементов в анекдот. Наблюдаются ли проникновения анекдота в современную сказку (задача-то была – проследить "взаимодействие"!) – вопрос пока остается без ответа.

Весьма интересны статьи, которые содержат много новых фактов из области быта различных народов, населяющих Поволжье и Север России – именно там и проходили экспедиции. Так, 16-тилетняя фольклористка Л. Рукавишникова избрала своей темой приметы и поверья масленичной недели. Используя богатейший материал предшествовавших авторов (масле-

---

Лев Никитич Пушкарев – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник-консультант Института российской истории РАН.

ничные обряды издавна привлекали к себе внимание этнографов!) и дополнив его личными наблюдениями, она создала обобщающий обзор сделанного этнографами в этой области, не ставящий, однако, новых исследовательских задач в анализе этого архаичного праздника.

Гораздо серьезнее и глубже статья аспирантки из Ижевска Е.В. Ложкиной, посвященная анализу "чертовых пальцев". В народе они иногда называются и "громовыми стрелами", возникающими якобы при ударе молнии в прибрежную скалу и обладающими целительной силой. В народном целительстве удмуртов они именуется пальцами Вумурта – водяного духа. Эти окаменевшие сучья деревьев цилиндрической формы либо обкатанные речной водой обломки раковин и камней используются в народной медицине: соскабливается их верхний слой, которым присыпают рану, сопровождая этот процесс чтением заговора. Е.В. Ложкина совершенно справедливо весьма скептически оценивает профилактические свойства этого порошка, но добавляет при этом, что традиционная медицина продолжает вызывать интерес и еще не исчерпала своих возможностей. Она добавляет, что свое веское слово должны сказать специалисты – химики, биологи, медики. Факт же остается фактом: народ искренне верит в силу "чертовых пальцев".

Авторы этого раздела поставили сложные проблемы систематизации фольклорных жанров, символики имен, примет и поверий, пространства и времени в фольклоре. Сборник оживляют статьи, посвященные характеристике носителей фольклора ("Вопленица из Чухломы" Н.В. Кулагинной), знахарей ("Обретение статуса знахаря в удмуртской традиционной культуре" Т.И. Владыкиной), известных краеведов ("Протоиерей Константин Веселовский" А.В. Торопова) и т.д.

Интересную проблему поднимают К.Ф. и В.А. Самоделовы в статье "Символика змеи в современных фольклорных полевых записях". Авторы справедливо отмечают, что специально образом змеи в фольклоре и этнографии никто еще не занимался, хотя образ змея весьма распространен в фольклоре – вспомним хотя бы образ Змея-Горыныча. В то же время легко обнаружить присутствие змеи в различных фольклорных жанрах. "Фольклорная" змея разнообразна: она бывает и женского и мужского рода, ей приписываются различные человеческие свойства и качества (мудрость, злобность, язвительность и пр.). Присуща ей и способность к исцелению (вспомним медицинский символ – змея на чаше). Змея в фольклоре связывается по происхождению с землей, водой, подземным миром и даже с небом. Казалось бы – какой простор для анализа этого образа! Увы, систематического исследования этого фольклорно-этнографического феномена пока не создано. И публикуемая в сборнике статья – лишь начало глубокого и всестороннего анализа, который и должен со временем выявить особенности "змеиных" черт, наличие или отсутствие омонимических образов змеи и огненного змея. Все это потребует привлечения данных лингвистики, фольклористики, этнографии, зоологии, археологии и других научных дисциплин.

Второй раздел сборника посвящен характеристике новых аспектов преподавания фольклорно-этнографических дисциплин в разных учреждениях начиная с университета (А.С. Мутина) и кончая школой (Т.Г. Владыкина) и дошкольными учреждениями (Т.В. Скобцова). Авторы статей по-новому ставят проблемы воспитания у детей и подростков любви и бережного отношения к духовному наследию прошлого. В их статьях раскрывается большое значение привлечения для выполнения этих задач памятников устного народного творчества, деревянной скульптуры (О.В. Балашова) и музыкального фольклора (Т.В. Скобцова). Авторы охотно делятся своим опытом проведения школьных этнографических экспедиций (М.В. Чапайтите).

Авторы сборника (Н. Кузьминых, М.Н. Райкова, А. Яковенко, Ю.М. Киселева, С. Смирнова, А.К. Смирнов и др.) обратили свое внимание и на такой пока еще слабо разработанный раздел фольклористики и этнографии, как детское народное творчество. За последние годы появилось не так уже много работ на эту важную тему. Поэтому рецензируемый сборник актуален и в теоретическом плане, и в области воспитания и обучения подрастающего поколения в духе любви к своему прошлому, к наследию отцов.

Статьи по этой тематике различны и по их научному значению, и по стилю и изложению. Среди них – и заметки членов Детской фольклорно-этнографической учебной лаборатории (руководитель О.Б. Балашова) 13-тилетней Ани Яковенко и 14-тилетней Насти Кузьминых. Но наряду с ними – творческие теоретические статьи М.Н. Райковой и Ю.М. Киселевой. Юноше-

ские заметки привлекают к себе внимание тщательностью разработки различных тем, тонкой наблюдательностью зорких молодых глаз, удачно подобранными примерами.

М.Н. Райкова поднимает сложную и неоднозначно решаемую проблему систематизации детского фольклора. Критически оценив существующие и уже предложенные системы (группировки) детского фольклора (нельзя не признать, что критика эта и основательна, и полезна!), М.Н. Райкова не предложила, однако, собственного решения проблемы. Она только указала на возможные пути создания такой новой системы, заключив, что эта задача "требует большого внимания исследователей" (с. 171).

Нова по своей тематике интересная статья Ю.М. Киселевой, посвященная фантазийным персонажам устного творчества малышей "от двух до пяти". Это творчество существенно отличается от традиционного фольклора детей более позднего возраста. В статье собраны наблюдения над возникающими у ребенка вымышленными персонажами. До настоящего времени лишь Л.С. Выготский касался этой темы – да и то преимущественно в психологическом плане. Ю.М. Киселева предлагает решать данный вопрос как своеобразную "предысторию" традиционного детского фольклора, что, по ее мнению, позволит "яснее понять и закономерности фольклорного творчества вообще" (с. 187).

Материалы сборника важны и для историков народной культуры. В наши дни усиленной урбанизации народной жизни и в городах, и в русской провинции затухают старинные народные бытовые обряды. В связи с этим особое значение приобретают материалы рецензируемого сборника, посвященные анализу загадки и магии в художественной системе свадьбы (статья И.Е. Климова "Календарные праздники и свадебный обряд в селе Кузовка"), и выделяющаяся глубиной исследовательского метода статья О.В. Балашовой "Магия свадебной бани жениха/невесты". Ею же защищена и кандидатская диссертация, посвященная анализу загадки и магии в художественной системе свадьбы. О.В. Балашова сумела собрать и описать более 50 различных свадебных обрядов. Грустно, конечно, что исчезают и уходят в прошлое многие старинные свадебные обряды и обычаи. Поэтому так важно и в бытовом, и в историко-этнографическом плане увидеть, собрать, описать и проанализировать всю художественную систему русской народной свадьбы и, таким образом, сохранить память народа о своих былых таинствах и обычаях.

Интересный анализ употребления понятий пространства и времени в русской волшебной сказке сюжета "Победитель змея" дает Е.И. Лутовинова. Однако она ограничила себя разбором только вариантов, опубликованных в известном сборнике А.Н. Афанасьева, оставив в стороне лубочные варианты сюжета. А между тем такая лубочная сказка, как "Еруслан Лазаревич", содержит сюжет победителя змея в несколько иной трактовке.

Внимание фольклористов должна привлечь и новая по тематике статья Е.В. Ложкиной, посвященная взаимоотношениям двух смежных жанров – побывальщины и сказки в удмуртском фольклоре. Известно, что оба эти жанра не имеют четкого разграничения: побывальщина переходит в сказку, а сказочные мотивы, в свою очередь, оказываются органически вплетенными в побывальщину. Своеобразие же удмуртской сказки в том, что она, по мысли автора, "представляет собой кроссжанровое образование" (с. 193), чем, в частности, и объясняются трудности ее включения в общепринятую каталогизацию Аарне-Томпсона. Поэтому автор ставит вопрос о создании нового каталога сказочных сюжетов, учитывающего особенности удмуртской сказки. Конечно, было бы желательно, чтобы Е.В. Ложкина предложила свой вариант такого каталога, учитывающего все особенности сказочного творчества удмуртского народа.

Хотелось бы выделить в рецензируемом сборнике две статьи А.К. Смирнова и его дочери С. Смирновой, посвященные популярной среди девочек игре в "резиночку" и – что особенно важно! – содержащие предложенную ими методику записи и транскрибирования этой игры. Новая авторская система записи весьма подробна и наглядна, она вполне может быть распространена и на другие методики транскрибирования различных подвижных детских игр. Содержательна и подробна и статья О.В. Балашовой "Развитие мыслительных образных представлений у детей и подростков на занятиях по русской деревянной скульптуре". В этой популярной и познавательной статье приведены детские отклики и оценки творчества русских скульпторов и

резчиков по дереву, свидетельствующие о глубоком и своеобразном понимании детьми замыслов художников и скульпторов.

Как уже было сказано выше, для данного сборника характерно, что в нем наряду с профессиональными фольклористами и этнографами выступают и совсем юные собиратели и исследователи из числа участников детских экспедиций. Это вселяет надежду на то, что изучение духовной культуры народов нашей страны будет продолжено новыми поколениями. Рецензируемый сборник – уникальное явление в нашей профессиональной литературе. Он объединяет усилия ученых, педагогов, аспирантов, студентов и школьников, пропагандирует приобщение молодежи к изучению нашего прошлого, к исследованию проблем этнографии и фольклористики, народной бытовой культуры. У истоков этого перспективного и столь нужного в наши дни процесса и стояла Н.И. Савушкина. Светлой памяти этого талантливого ученого, педагога, воспитателя и посвящены научно-практические конференции "Фольклор и современность", проводимые с 1994 г. Рецензируемый сборник включает доклады последних (IV и V) конференций.

ЭО, 2009 г., № 4

© **А.Н. Ямсков**. Рец. на: *Этнос и нация в условиях глобализации: опыт и прецеденты АТР: Материалы Международной научной конференции. III Широкогоровские чтения* / Отв. ред. А.М. Кузнецов. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. 344 с.

Дальневосточный государственный университет (ДВГУ) провел в сентябре 2005 г. во Владивостоке III Широкогоровские чтения (первые были в 2001 г.). Сергей Михайлович Широкогоров работал в 1918–1922 гг. в этом городе, а затем, до 1939 г. – в соседнем Китае. Как отметил во вступительном слове ректор ДВГУ проф. В.И. Курилов, он – "выдающийся русский ученый" и создатель "концепции этноса", поэтому центральная проблематика чтений – "этнос, нация и национализм" (с. 7–8).

Редактор сборника, проф. ДВГУ А.М. Кузнецов в предисловии, раскрывая научное значение и актуальность концепции С.М. Широкогорова и признавая в ней "некоторые недостатки", заявил, что "только его принципы и идеи могут стать основой новой теории этнического" (с. 13). Это утверждение как минимум дискуссионно, но с актуальностью обращения к высказанным С.М. Широкогоровым без малого столетие назад взглядам на суть феномена этнических общностей стоит согласиться.

Попробуем взглянуть на контекст, в котором сейчас обсуждается этническая проблематика. В начале 2009 г. среди политиков и обществоведов стало банальным констатировать перерастание глобального кризиса из финансового в экономический и далее в социально-политический. Последнее уже произошло в ряде стран вроде Исландии, еще пару лет назад бывшей одним из эталонов социального благополучия, и стало близкой перспективой для многих других. Но значение идущих в мире трансформаций далеко не исчерпывается вопросами финансов, реальной экономики, социального самочувствия широких масс населения или текущей политики. Этот кризис является прежде всего мировоззренческим, просто на данном этапе его развития на первый план выходят финансово-экономические и социально-политические вопросы как требующие безотлагательных решений ради сохранения минимальной стабильности в пострадавших обществах. Но нас ожидает не только отказ от представлений радикально-либеральных политиков и экономистов, будто стоимость, например, нефтедобывающей компании или инвестиционного банка определяется только тем, сколько денег в данный момент дают за их акции биржевые спекулянты, но отнюдь не имеющейся у них инфраструктурой и запасами нефти на про-

мыслах или надежностью получателей кредитов. Неминуемо последует и отказ от крайностей "постмодернизма" с его доведенными до абсурда представлениями о социальной реальности как о чем-то несущественном (или несуществующем либо непознаваемом). Согласно этим взглядам, социально-гуманитарное знание призвано не объяснять реальность, а лишь моделировать и анализировать какие-то ее аспекты, не особенно задумываясь о соответствии этих представлений действительности (со всеми ее объективно существующими особенностями), но зато по возможности стремясь к воздействию создаваемых концептов на окружающий мир и к его реконструкции в соответствии с идеями создателей этих концептов.

Иными словами, подобно тому как представления политико-экономической элиты 1980–1990-х годов об абсолютно приоритетной роли финансов и последовавший закономерный отрыв финансовой сферы от объективной основы экономической жизни (производственной и иной инфраструктуры, сырьевых и других ресурсов и т.п.) привели к глубокому социально-экономическому кризису, так и в социально-гуманитарной сфере имевшее место на Западе с рубежа 1970–1980-х годов, а у нас – с начала 1990-х усиление идеалистических, субъективистских течений тоже привело к методологическому кризису, который ныне все более осознается специалистами. В такой интеллектуальной атмосфере естественным выходом может показаться обращение к наследию "допостмодернистского" прошлого: например, в случае исследований этнических общностей – к советской теории этноса в интерпретации Ю.В. Бромлея, В.И. Козлова и других или же к их предтече, С.М. Широкогорову. Отсюда вытекает необходимость тщательного критического анализа работ этих и многих других авторов, с тем чтобы не повторять их заблуждений на новом этапе развития социальных наук, которые должны эволюционировать далее, преодолевая недавние ошибки, а не возвращаться вспять.

Рецензируемый сборник как раз и способствует решению такой задачи. Помимо упоминавшихся выше двух кратких вступительных текстов он включает еще 36 работ, которые можно условно разделить на несколько тематических категорий.

Основной и наиболее интересный блок представляют статьи, открывающие сборник и посвященные взглядам С.М. Широкогорова на этнос. Речь идет о развернутом анализе теоретических построений этого автора на фоне современных научных концепций в статьях А.М. Кузнецова и В.Р. Филиппова, а также о кратких заметках, посвященных дуализму биологического и социального в работах С.М. Широкогорова об этносе (автор – А.Й. Элез) и его роли как предтечи советской теории этноса (автор – В.Р. Филиппов). В последней из этих заметок автор тезисно, четко и емко, резко критически характеризует как суть концепции этноса С.М. Широкогорова, так и взгляды его последователей в СССР. Затем, в статье, В.Р. Филиппов представляет уже весьма детальный и глубокий анализ взглядов этого ученого, прослеживая параллели в работах классиков советской этнографии. В заметке А.Й. Элеза критики тоже достаточно, но центральный его тезис о "биологическом" в теории этноса С.М. Широкогорова ничем не подкреплен. Приводимые же примеры свидетельствуют, напротив, о том, что этот ученый, прибегая к биологически звучащим метафорам, не всегда проводил дифференциацию между этносами и другими типами социальных, а не биологических общностей (с. 80–83). Статья А.М. Кузнецова отличается тем, что написана с апологетических позиций и дает еще более полную и разностороннюю характеристику взглядов С.М. Широкогорова на этнос на фоне многочисленных экскурсов в исследования современных отечественных и западных авторов по этой и близкой тематике (один из самых цитируемых экспертов – С.В. Соколовский).

К сожалению, не была отмечена еще одна новация С.М. Широкогорова, который в определении этноса называет как объективные его свойства (один язык, комплекс обычаев, уклад жизни, хранимые и освященные традицией), так и субъективные (признание членами этноса своего единого происхождения, отличие ими своего языка, комплекса обычаев и уклада жизни от таковых других этносов) [см. статью В.Р. Филиппова, с. 92]. От последних, видимо, советские этнографы путем обобщения пришли к этническому самосознанию. Но именно попытка объединения в одном определении этнической общности ее субъективных (этническое самосознание, включая представления о происхождении народа) и объективных (наблюдаемое извне культурное, языковое, антропологическое своеобразие народа) характеристик делает все такие

определения логически несостоятельными, ибо эти характеристики – явления безусловно разного порядка, или различной природы, а потому во внутренне непротиворечивом научном определении сосуществовать не должны.

Представляют интерес и другие размышления об этнической проблематике, с большей или меньшей опорой на взгляды С.М. Широкогорова или вне этого контекста. Так, авторы сборника останавливаются на приложении его теории этноса к диаспорным частям этнических общностей (О.С. Пахомов), относят С.М. Широкогорова к одной из трех категорий отечественных исследователей этнической проблематики, а именно к "примордиалистам", характеризуя взгляды и перечисляя представителей этого направления, а также конструктивистского и переходного (Е.О. Хабенская), представляют анализ отношений между этническими и конфессиональными общностями в Забайкалье (М.Н. Фомина). Вне связи с работами С.М. Широкогорова рассмотрена институализация этничности в постсоветской России в форме "национально-культурных автономий" и недостатки последних (Е.О. Хабенская), специфика "имперских этносов" и этнокультурных особенностей империй в противопоставлении национальным государствам (С.В. Ткачев).

К "широкогородскому" тематическому блоку тесно примыкают работы, не связанные с этнической проблематикой, но прямо или косвенно относящиеся к личности и работам ученого. Это исследования опубликованного в Токио в 1943 г. "Тунгусского словаря" С.М. Широкогорова (авторы – А.М. Певнов и М.М. Хасанова) и фонографической коллекции С.М. и Е.Н. Широкогородовых (автор – А.А. Бурыкин), а также рукописной работы С.Б. Магид о собранных им фонографических записях (А.Ю. Кастров, Н.Д. Светозарова, А.А. Бурыкин). Сюда входят анализ воспоминаний о С.М. Широкогороде его студента, а впоследствии известного китайского ученого Фэй Сяотуна (Е.Д. Петрова) и серия научно-биографических очерков о близких, друзьях и коллегах: о его жене и помощнице Е.Н. Широкогородовой (урожденной Робинсон) и индологе и этнографе Л.А. Мерварт, которая общалась с Широкогородовыми во время своего пребывания во Владивостоке (Т.И. Брянская, А.М. Кузнецов), о П.П. Шмидте, владивостокском востоковеде и филологе, тесно сотрудничавшем с С.М. Широкогородовым (А.М. Решетов), и о художнике Н.Л. Кощевском, с которым тот дружил в Пекине (Н.П. Крадин, А.М. Решетов).

Так как С.М. Широкогоров занимался шаманизмом и другими аспектами этнографии народов Восточной Сибири и Дальнего Востока, в сборник вошла серия докладов по этой тематике. О шаманизме пишут такие авторы, как М. Хоппал (обзор исследований в Евразии), М.И. Гомбоева (современный шаманизм и его культурологическое осмысление), Е.А. Гаврилова (шаманские практики индейцев Тихоокеанского побережья во время путины), И.Е. Максимова и А.И. Боброва (шаманские погребения). Сюда примыкают доклады о духовной культуре – алегутских сказках (З.Я. Иванова) и современной музыкальной культуре народов юга Дальнего Востока (И.В. Барашок). Наконец, есть материалы, посвященные другим аспектам исследований малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока – их интеграции в постиндустриальное общество (Б. Миллер), синтезу методов этнографического и археологического изучения орудий и техник обработки шкур и кожи (К. Такаси), этнонимам охотских эвенов и истории принятия ими современного самоназвания (Л.Н. Хаховская), планировке негидальского чума (Д.В. Янчев). Группа авторов представила два текста – о предпосылках развития алкоголизма в преимущественно удэгейских группах населения поселков Красный Яр и Агзу (О.К. Галактионов, В.В. Шорин, В.В. Ушаков, О.С. Бахарева) и об особенностях организации там работы наркологов (В.В. Шорин, О.К. Галактионов, В.В. Ушаков, О.С. Бахарева, А.Е. Коноплев). С точки зрения проблематики, сюда можно условно отнести и краткий анализ методологии исследования В.И. Иохельсона на севере Дальнего Востока и Восточной Сибири (С.Б. Слободин).

Несколько докладов посвящено соседним странам и народам Восточной Азии. В них рассматриваются процессы модернизации в Японии в конце XIX в. (Е.В. Верисоцкая) и этнокультурный состав населения этой страны (Ж.М. Баженова), церемонии жертвоприношений духам предков у корейцев (Д.А. Самсонов) и история изучения корейского этикета русскими путешественниками конца XIX в. (А.М. Решетов, Д.А. Самсонов), феномен самоубийства в средневековых государствах Северного Китая (В.Ц. Головачев).

Еще два доклада по тематике занимают изолированное положение – это обзор положения женщины в России в XVIII в. (Т.И. Брянская) и анализ правовых аспектов мифологии славян, индоариев и индоевропейцев в целом (В.В. Кулыгин).

К сожалению, нельзя не сказать и о недостатках сборника. Странное впечатление производит публикация трех текстов на английском языке, два из которых по сути являются тезисами докладов. Вообще сочетание развернутых аналитических или детальных описательных статей и кратких тезисов либо статей объемом в три-четыре страницы не украшает этот сборник. Не помешало бы и структурирование материалов сборника с выделением в нем нескольких тематических разделов. Поэтому хочется пожелать руководству ДВГУ не только продолжать впредь Широкогоровские чтения, но и публиковать их материалы в виде сборников полноценных, прошедших качественную редакторскую подготовку статей, соответствующих четким тематическим рамкам. Научное значение и уровень большинства публикаций в рецензируемом сборнике несомненно подтверждают перспективность данного начинания.

ЭО, 2009 г, № 4

© **Ю.П. Шабаев, Н.В. Шилов.** Рец. на: *Финно-угорские народы России: вчера, сегодня, завтра* / Отв. ред. А.К. Конюхов. Сыктывкар, 2008. 272 с.

В последние годы сочинения этнографического и этнополитического плана создаются не только учеными – этнологами и этнополитологами, но и специалистами других отраслей знаний, порой весьма далеких от этнологии, и многочисленными этническими предпринимателями (Коренько 2000; Тишков 2003). По существу мы сегодня можем говорить о феномене альтернативной этнологии/этнополитологии.

Другим феноменом является "ангажированная этнология", когда в угоду неким политическим и этнополитическим позициям авторов приносится в жертву научная объективность и методическая корректность. Пример подобного рода работ – труд, созданный под руководством члена Консультативного комитета финно-угорских народов А.К. Конюхова. Помимо него в составе авторского коллектива целый ряд других исследователей, активно сотрудничающих с этнокультурными и этнополитическими организациями. Речь идет о монографии "Финно-угорские народы России: вчера, сегодня, завтра", которая является не только плодом коллективных усилий, но и итогом реализации финляндско-российского исследовательского проекта "О положении финно-угорских народов Российской Федерации". В начале работы ее авторы заявляют, что "практическая значимость результатов всего исследования заключается в выработке конкретных рекомендаций государственным структурам и общественным организациям для принятия мер по улучшению демографического, социально-экономического и культурно-языкового состояния уральских народов" (с. 16). Столь значительные претензии авторов порождают и соответствующие требования к изданию со стороны научного сообщества и политических менеджеров. Кроме того, подобные претензии авторов заставляют сделать основательный анализ того, насколько объективны и достоверны результаты названного исследования. В первую очередь необходимо оценить, в какой мере и как обобщен опыт предшествующих трудов российских финно-угроведов, каковы методологические подходы, положенные в основу столь масштабной работы, каков арсенал методов исследователей и насколько адекватно использованные методы позволяют оценить все многообразие процессов, которые стали предметом анализа авторского коллектива.

Юрий Петрович Шабаев – доктор исторических наук, заведующий сектором этнографии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

Николай Владимирович Шилов – кандидат исторических наук, ведущий советник аппарата Комитета по делам национальностей ГД ФС.

Методологические подходы авторов к анализу того, что они назвали "этнографическим состоянием народов", неясны, ибо в столь масштабном и значимом труде авторы не сочли возможным указать, придерживаются ли они конструктивистского, инструменталистского, эссенциалистского подходов или же используют некий иной научный арсенал. Неясна сама интерпретация дискурса "положение народов", подходы к его анализу. Ни во введении, ни в заключении, ни в главах нет сколько-нибудь серьезного теоретического анализа проблематики этничности и национализма.

Конечно, теоретические позиции авторского коллектива, которых они придерживались при осуществлении названного проекта, могли бы быть изложены в основательном историографическом обзоре, что вполне соответствует научной традиции. Но и этого обзора в книге практически нет.

Первое, что удивляет при чтении введения, это абсолютное игнорирование мониторинговых исследований, осуществляемых на протяжении ряда лет Институтом этнологии и антропологии РАН (в том числе и в "финно-угорских регионах"). Неясно также, почему авторы не использовали в своем анализе работу, выполненную этнологами и этнополитологами ряда республик с финно-угорским населением, которая прямо перекликается с поставленной перед авторами рецензируемой монографии целью. Речь идет о специальном докладе "Финно-угорские народы России: общее положение, проблемы и решения" (Финно-угорские 2005). Более того, авторы взяли на себя смелость утверждать, что до сих пор нет исследований, посвященных "современному состоянию" финно-угорских народов, хотя перечень публикаций такого плана весьма обширен. Незнание, равно как и игнорирование подобных работ, свидетельствуют и об уровне научной объективности, и о научной квалификации организаторов проекта и авторов его презентации.

Впрочем, содержание введения показывает, что отрицание значения работ предшественников есть принципиальная позиция создателей труда, и это становится ясным уже из предложенного ими весьма краткого историографического обзора. Во введении наличествуют довольно пространственные, но отнюдь не бесспорные, а нередко и просто ошибочные суждения о характере проведения переписей населения и интерпретации переписных данных (к примеру, применительно к последней переписи 2002 г. авторы утверждают о наличии значительных приписок в Москве, хотя следует, видимо, говорить о недоучете населения). Но по существу во введении нет серьезного историографического анализа, ибо здесь упоминается лишь о том, что предшественники не могли быть объективны в силу того, что исследователи вынуждены были считаться с идеологическими догмами правящего режима. Показательно, что есть только несколько ссылок на отечественные труды, характеризующие этнические традиции российских финно-угров, и нет даже беглой оценки той роли, которую объективно играют работы отечественных исследователей, но при этом отмечается, что в изучение финно-угров "большой вклад внесли зарубежные ученые С. Лаллукка в Финляндии, Д. Нановски в Венгрии и другие" (с. 6). Далее авторы (а во введении, надо полагать, изложена обобщенная позиция авторского коллектива) утверждают, что статистический учет в советские годы имел массу недостатков и использовал различные способы фальсификации. В подтверждение данного довода указывается, что "факты, отражающие негативные последствия деятельности властей, не доводились до сведения общественности; практиковалась замена абсолютных статистических данных относительными" (с. 6). Очевидно, что статистика имеет дело не с отдельными фактами, а с множественными данными (причем именно данными). Не идеализируя советскую статистику, необходимо ради объективности указать, что претензии авторов не только необоснованны, но и ненаучны, ибо что мешает не только квалифицированному специалисту, но и грамотному школьнику превратить относительные данные в абсолютные.

Однако названные претензии не столь существенны, поскольку куда больше вопросов вызывают сами методы исследования. В частности, уместно задаться вопросом, чем принципиально отличаются проблемно-хронологический и историко-сравнительный методы, использованные авторским коллективом? Но терминологическая казуистика – не главный недостаток рецензируемого сочинения, поскольку базовой основой работы стал опрос, проведенный, как заявлено

во введении, в 13 субъектах РФ. Авторы не дают в приложении ни программы исследования, ни обоснования выборки, ни анкеты, а само описание процедуры исследования весьма краткое. Тем не менее даже это краткое описание дает все основания усомниться не только в корректности проведенного опроса, но и в самой возможности использования полученных данных.

Первое, что ставит под сомнение методическую корректность исследования, – это то, что оно не осуществлялось на основе единого методического подхода, т.е. данные, полученные в разных регионах, не могут быть сопоставлены. Отмечается, что в одной группе регионов использовалась маршрутная выборка, а «в остальных регионах применялся метод "снежного кома"» (с. 14). Следовательно, данные по этим двум регионам должны были анализироваться отдельно. Более того, авторы однозначно заявляют, что в основе их труда лежат количественные методы. Что же касается метода "снежного кома", то он применяется не в количественных, а в качественных социологических исследованиях. Для примера сошлемся на одно из добротных описаний сущности названного качественного метода: "после проведения первых интервью или начальной стадии включенного наблюдения начинается написание и наброска отчета. При этом особое внимание уделяется выделению, определению и раскрытию основных категорий и субкатегорий, их свойств. Выявившиеся в ходе написания этого наброска нераскрытые вопросы вносятся в модернизированный гид интервью. И работа продолжается по тому же кругу, приобретаемая форма спирали" (*Ильин* 2006: 61). Очевидно, что авторы труда весьма вольно интерпретировали сущность названного метода и, судя по всему, в одних случаях они стремились соблюсти принцип случайной выборки (*Джери, Джери* 1999: 102), а в других формировали выборочную совокупность целенаправленно (методом "снежного кома"), т.е. мы имеем не случайно отобранных респондентов, а некие группы единомышленников.

При этом полезно еще раз указать, что "статистическое обобщение количественного исследования основано на статистической репрезентации генеральной совокупности" (*Семенова* 1998: 35) и отбор респондентов должен производиться "из однородных совокупностей" (*Добреньков, Кравченко* 2008: 143). В случае с рецензируемым трудом мы можем говорить о нерепрезентативном характере его базовой основы. Здесь речь идет не только о несовместимости отдельных частей единой базы данных, но именно о недостаточной репрезентативности самих данных. Так, объемы выборочной совокупности в Тверской обл. составили 100 человек, в бывшем Коми-Пермяцком округе – 161, в Ямало-Ненецком округе – 106, в Ленинградской обл. – 136. При этом приведенные данные есть общая численность опрошенных, без разбивки респондентов на этнические группы. Что касается этнического состава опрошенных, то, к примеру, в выборке по Ленинградской обл. присутствовали 31 вепс и 37 финнов (с. 15). Если разделить эти группы по полу или по месту жительства (городской / сельский житель), или по возрасту, то мы не получим даже минимально представительных статистических групп, т.е. отсутствует сама основа количественного социологического метода – репрезентативность, хотя авторы называют свою выборку "репрезентативной" (с. 15). Анализ межпоколенных изменений в системе ценностей, социальной детерминированности этнокультурных ориентаций и других важных культурных явлений на подобных массивах невозможен.

Наконец, есть сомнения и в качестве проведения полевого этапа исследований. Специалисты знают, что в любом социологическом исследовании полевой этап – самый трудоемкий, а тщательный контроль за его осуществлением – необходимое условие получения достоверных данных. Судя по составу участников проекта, никто из них не занимается серьезными полевыми этносоциологическими исследованиями. Кто и как осуществлял проведение полевого этапа в каждом из 13 субъектов и как осуществлялась проверка качества полевого этапа, неясно. Но нам известно, как осуществлялись исследования в двух регионах: Республике Коми и Коми округе. В Коми использовалась местная социологическая сеть, которая функционирует много лет и в которой не организован надзор за качеством полевой работы групп интервьюеров, сформированных в городах и районах. В результате данные многих опросов вызывают серьезные сомнения.

Под руководством редактора названной коллективной монографии в 2003 г. в Коми проводился опрос, призванный оценить этнолингвистическую ситуацию в республике, проведение ко-

того было поручено местной социологической сети. Организаторы не сочли необходимым не только контролировать опрос, но даже критически оценить его итоги. В результате, согласно полученным данным, в РК 14% некоми населения владеют коми языком (Конохов 2004). Если сравнить этот результат с материалами переписи 2002 г., то мы увидим, что по переписи аналогичный показатель равен всего 2%. Ошибка в 700% свидетельствует о крайне некачественно проведенном опросе и о недостоверности всех его результатов. Несмотря на то, что авторам было указано на недопустимость публикации подобных данных, они их широко используют, и в данной коллективной монографии материалы указанного опроса 2003 г. также присутствуют. Опыт собственных исследовательских работ показал, что в Коми округе возможно получение качественных материалов опросов только при личном контроле всех этапов исследовательской работы, ибо уровень квалификации местных исследователей недостаточен, и они не понимают сущности социологических и специфики этносоциологических исследований, которую в данном случае необходимо было учитывать (Арутюнян и др. 1984). Не случайно, что сноска на работы методического плана в рецензируемой монографии нет (если не считать сноски на учебник социологии, социологическую энциклопедию и социологический словарь).

Таким образом, нет никаких оснований доверять основному массиву данных, на который опираются авторы труда "Финно-угорские народы России". Конечно, некоторые разделы написаны относительно неплохо (особенно глава о демографических процессах), хотя во всех главах имеются серьезные внутренние противоречия. Более того, непонятна исходная установка авторов на "уникальность" уральской языковой семьи. Принципы выделения языковых семей едины, а принадлежащие к этим семья народы существенно отличаются в культурном плане друг от друга, и это обычное явление. К примеру, тюрки, как и финно-угры, расселены очень широко, народы, принадлежащие к этой семье, также значительно различаются и по уровню социально-экономического развития, и по конфессиональной принадлежности.

Неясны базовые понятия, использованные в ряде глав. К примеру, что означает термин "этнические права" и как он соотносится с правом вообще, что такое "феномен мировидения", "архетип самосознания", "традиционное сознание", нет объяснений и того, какой содержательный смысл имеет такая расовая категория, как "финно-угорский генофонд"? Возникает также вопрос, почему авторы избегают общепринятой в науке терминологии.

В главах, где требуется серьезное обоснование позиций авторов, четкое определение критериев оценки объекта и предмета анализа, никаких ясных критериев не обнаруживается. Так, неясно, как можно оценивать социально-экономическое положение населения отдельных регионов на основании одних лишь субъективных оценок, ибо социологам известно, к примеру, что уровень материальных притязаний растет быстрее, чем повышаются реальные доходы. Поэтому отсутствие в соответствующей главе данных, характеризующих динамику душевого дохода, стоимость потребительской корзины, характер материального потребления и других объективных показателей экономического и социального положения населения, – это не просто упущение, но грубая методическая ошибка. Часть названных данных, правда, приведена в прилагаемых к основному изложению таблицах, но они никак не используются в соответствующей главе, что ставит под сомнение способность авторов осуществить многомерный анализ социально-экономического положения населения тех или иных регионов.

Удивляет также неграмотное оформление таблиц. В одном ряду граф указываются регионы и этнические группы, например: Ямало-Ненецкий округ, Республика Коми, Самарская обл., вепсы, мари, финны, Республика Мордовия, т.е. по одним регионам даются варианты ответов на поставленные вопросы в целом по всему населению, а по другим регионам вычленяются только отдельные этнические группы, т.е. сведения воедино несопоставимые данные. И это не единственная претензия к построению таблиц.

Очень слабо написана глава, посвященная анализу "национальной идентичности" (в том числе "истинной национальной идентичности"), которая, как отмечает ее автор, "не тождественна этническому самосознанию" (с. 108), хотя далее делаются попытки рассуждать именно об этническом самосознании. Здесь есть несколько упоминаний зарубежных авторов, но почему-то в сносках по главе работы данные авторы не указаны. Что же касается огромного массива отече-

ственной литературы, посвященной названной проблеме, то ее для автора, похоже, не существует.

Небрежность стиля, терминологии, формулировок – общий недостаток всех глав, хотя они написаны с участием разных авторов. Неясным остается и то, что авторы в итоге хотят предложить, ибо, несмотря на объявленную в самом начале книги "практическую значимость" труда, конструктивно-прикладных предложений в труде не содержится. Рецензируемая книга – классический пример подмены научной объективности объективистским анализом (точнее, псевдонаучным), что объясняется ангажированным характером самого исследовательского проекта. Этот "труд" нагляднее других демонстрирует специфические особенности "ангажированной этнологии", о которой говорилось выше.

Литература

- Арутюнян и др. 1984 – Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Кондратьев В.С., Сусоколов А.А. Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследования. М., 1984.
- Джери, Джери 1999 – Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь (COLLINS). М., 1999.
- Добреньков, Кравченко 2008 – Добреньков В.И., Кравченко А.И. Методы социологического исследования. М., 2008.
- Ильин 2006 – Ильин В.А. Драматургия качественного полевого исследования. СПб., 2006.
- Конохов 2004 – Конохов А.К. Современная этнолингвистическая ситуация в Республике Коми (по результатам социологических исследований) // История, современное состояние и перспективы развития языков и культур финно-угорских народов: Матер. III Всерос. конф. финно-угроведов (1–4 июля 2004 г. Сыктывкар). Сыктывкар, 2004. С. 560–562.
- Кореняко 2000 – Кореняко В. Этнонационализм, квазиисториография и академическая наука // Реальность этнических мифов. Аналитическая серия. Вып. 3. М., 2000.
- Семенова 1998 – Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманитарную социологию. М., 1998.
- Тишков 2003 – Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.
- Финно-угорские 2005 – Финно-угорские народы России. Общее положение, проблемы и решения / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 183. М., 2005.

ЭО, 2009 г., № 4

© С.Н. Абашин. Рец. на: **Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири. В 3-х т.** Ред. А.П. Ярков. Т. 1: Источники и историография. Тюмень: Колесо, 2007. 418 с.; **А.В. Сызранов. Ислам в Астраханском крае: история и современность.** Астрахань: Издательский дом "Астраханский университет", 2007. 181 с.; **А.А. Ярлыкяпов. Ислам у степных ногайцев.** М.: ИЭА РАН, 2008. 266 с.

Каждая из предложенных вниманию читателя книг заслуживает самостоятельной рецензии. Это бесспорно. Я, однако, чтобы не писать три отдельных комментария, решил написать один, учитывая те общие темы и идеи, которые во всех книгах присутствуют. Их объединяет, во-первых, обращение к изучению ислама. Во-вторых, тот факт, что речь идет о российских регионах, которые редко попадают в фокус исламоведческих исследований. В-третьих, написаны работы этнографами (к слову, уроженцами соответствующих регионов) или, как в случае с книгой "Ислам на краю света", с участием этнографов, об этом я тоже хочу сказать несколько слов.

Сергей Николаевич Абашин – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

Начну по порядку. Тема ислама в России стала сегодня необычайно популярной. Это часть общей в мире тенденции роста интереса к исламу и мусульманскому обществу, что отражает последние политические и геополитические изменения в мире. В рамках этой волны исламоведческих работ появляется множество откровенно ксенофобских "исследований" и публикаций, которые противопоставляют ислам другим религиям и вообще всему миру, приписывают этой религии и ее сторонникам негативные характеристики, окрашивают историю и культуру ислама исключительно в черные тона. Таких тенденций, увы, не избежали и российское общественное мнение и российская наука.

Рецензируемые книги – как раз пример строго академического подхода к объекту и предмету изучения. Это исключает какие-либо спекуляции на тему ислама и дает читателю ясное представление об описываемом явлении.

Каждый из авторов выбирает собственную структуру изложения, хотя все исповедуют схожий монографический жанр повествования, сочетающий экскурсы в историю с этнографическими описаниями. Книга А.В. Сызранова включает пять глав: первые четыре характеризуют историю ислама в Астраханском регионе с эпохи средневековья до сегодняшнего дня, пятая глава посвящена более подробному описанию и анализу практик – обрядов, обычаев, воззрений – местных мусульман. В исторической части работы говорится о Хазарском каганате и Золотой Орде, подробно об Астраханском ханстве и формировании различных групп местного мусульманского населения, о политике царской России в отношении ислама и особенностях жизни астраханских мусульман под русским управлением, об истории местного ислама в советский и постсоветский периоды. Книга А.А. Ярлыкапова включает в себя три главы, которые построены по более экономному хронологическому порядку – досоветское время, советское и постсоветское, при этом рассказ о ногайской культуре включен внутри этих разделов. Автор говорит о Ногайской орде и специфике кочевого ислама, о его взаимодействии с центральноазиатскими и кавказскими мусульманами, о жизни исламской ногайской общины в Российской империи, об участии ногайцев в гражданской войне и о преследовании ислама большевиками, о способах выживания ислама в советское время и об исламском возрождении в постсоветскую эпоху.

Книга о сибирском исламе (напомню, что это только первый том планируемого триптиха) состоит из трех глав: в первой говорится о регионе и своеобразии местного географического и культурного ландшафта, во второй и третьей – соответственно об источниках, средневековых и современных, и историографии. Авторы подробно рассказывают о составе мусульманского населения Сибири, его происхождении и этнических особенностях, затем не менее скрупулезно перечисляют и анализируют те материалы, на которых строится их повествование, – устная традиция (разные жанры народного фольклора, антропонимы и пр.), письменная (родословные, предания, исторические сочинения, надмогильные эпиграфические надписи, грамоты, русские летописи, работы российских географов и этнографов, путевые заметки, делопроизводство, статистика и пр.), материальные артефакты (украшения, амулеты, археологические памятники, могильники, культовые постройки, рисунки, фотографии, монеты и пр.). Не менее основательно авторы "Ислама на краю света" анализируют историю изучения сибирского ислама.

Подчеркнутый академизм исследований состоит в том, что авторы пользуются как максимально полным списком письменных (в том числе архивных) источников по своей теме, так и собственными, собранными в полевых условиях, материалами. Во всех работах мы находим ссылки на множество трудов предшественников и читаем критический их разбор. Следование строгим научным стандартам подразумевает также нейтральный стиль изложения, отсутствие скороспелых оценок, осторожное обобщение. Все эти приемы, характерные для научного стиля, позволяют "нормализовать" любую тему, которая общественному мнению кажется острой и необычной. Ислам в такого рода исследованиях предстает не как экзотический "другой", не как "угроза" или "вызов", а как вполне понятная религия и образ жизни, часть общего для всех конфессий культурного пространства, часть общей – "нашей" – истории.

Особенностью всех трех книг, как я уже сказал, является региональный ракурс, причем во всех случаях в центре внимания – периферии. Астраханская обл. – это своего рода культурный

перекресток между Северным Кавказом, Поволжским регионом и Центральной Азией, то же можно сказать о Ногайской степи, Западная Сибирь – в некотором роде культурная окраина Центральной Азии, что даже нашло отражение в несколько эпатажном заголовке "Ислам на краю света". Пограничный характер указанных регионов ставит множество интересных вопросов перед исследователями: как и в каких формах ислам выживает, не имея тесных связей с крупными религиозными центрами и строгой догматической традицией, как взаимодействует ислам с местными – домусульманскими и немусульманскими по происхождению – обычаями и представлениями.

Авторы рецензируемых книг проблематизируют эту тему, говоря о "народном исламе", который впитал в себя многие доисламские и неисламские элементы. У всех мы увидим подробное описание местной космологии и демонологии, реликтов шаманской практики и анимистических воззрений, сельскохозяйственных обрядов, местных вариантов исполнения мусульманских календарных и семейных ритуалов, посещения святых мест. Мы видим в их работах, как мусульманские и немусульманские представления взаимодействуют, переплетаются и в результате образуют единый культурный комплекс. Особенно примечательно, что исследователи не просто реконструируют некие представления, но и пытаются, опираясь на письменные источники и этнографические интервью, проследить их трансформации, увидеть драматическую историю формирования и угасания многих культурных элементов, конфликтов между различными направлениями, приспособление ислама к меняющимся условиям жизни.

Примеров такого анализа можно найти много. В книге А.А. Ярлыкапова есть, в частности, интересные сведения о ногайских "йинли молла" – знатоках вероучения, которые "обладают" духами (йин, джинн) и могут лечить с их помощью людей. В этой фигуре зримо переплетаются "ортодоксальный" и "народный" элементы ислама, которые невозможно отделить друг от друга. Оставаясь полностью в рамках письменной (и в этом смысле "догматической") версии ислама, йинли молла одновременно выполняет функции, которые до него выполнял какой-нибудь шаман или священнослужитель языческого культа. Ислам, таким образом, не противостоит остальным культурным традициям, а вполне органично их впитывает, мусульманизирует.

В этой связи я обратил бы внимание также на подробное описание А.В. Сызрановым культа святых мест в Астраханском регионе. Этот сюжет давно привлек внимание ученых, которые занимаются Кавказом и Центральной Азией. В книге мы находим недостающее звено в общей картине и восстанавливаем цепочку взаимодействия между двумя названными центрами, наблюдая, как на астраханскую землю и через нее "мигрируют" кавказские и центральноазиатские культы. Особый интерес представляет, на мой взгляд, рассказ о культах средневекового полумифического святого Тукли-баба Шалы-адже и выходца из Дагестана, реального исторического персонажа, жившего в XIX в., Махмуда-афанди.

Святые места – еще один пример, когда ислам перенимает у других локальных или культурных традиций некоторые обычаи, поверья, практики. Мы видим опять, что последние вполне вписываются в новые религиозные рамки и существуют в них, не входя в противоречие с мусульманской идентичностью. Конечно, вера в духов или святые места всегда вызывала критику со стороны мусульманских "ортодоксов" и обвинения в многобожии, т.е. в отказе от "настоящего" ислама. И тем не менее в сознании большинства верующих – это вполне легитимная мусульманская практика. Должен ли исследователь вставать на чью-то сторону в этом споре? Или необходимо рассматривать эту борьбу противоположных интерпретаций как черту ислама?

О "народном исламе" пишут и авторы книги о Сибири – правда, более подробное описание его сибирских особенностей ожидается в последующих томах. Впрочем, уже здесь мы встречаем упоминание и описание некоторых сибирских мусульманских культов, обычаев, представлений. Прочитав первый том, читатель уже предвкушает увлекательные открытия и ожидает встречи с противоречивым миром традиций в сибирском исламе.

Все авторы книг, которые я рецензирую, подчеркивают, что говоря о различии "ортодоксального" и "народного" ислама, нельзя противопоставлять один другому – это в действительности компоненты одного целостного мировоззрения, идентичности (Сызранов. С. 4–5; Ярлыка-

пов. С. 5; Ислам на краю света. С. 57). Это сложный вопрос, который вызывает множество противоречивых толкований и недоразумений. Парадокс заключается в том, что в повседневной практике мы действительно видим очень своеобразные локальные (региональные или групповые) культуры, но любая попытка осмыслить это своеобразие как самостоятельное явление, оторванное от более строгих и пуританских форм исламской догматики, приводит нас к тупику – мы искусственно сужаем границы ислама, выступая в роли своеобразных академических фундаменталистов.

Не обойдены в рецензируемых книгах и современные проблемы ислама. В них, как я уже упоминал, говорится о новейших процессах в российском исламе: восстановление мусульманских общин и многих мусульманских практик, появление новых мусульманских течений, представители которых выступают с критикой традиционных обычаев и пытаются занять лидирующие позиции среди верующих. Читатель вспомнит, например, что именно в Астрахани в 1990 г. прошла учредительная конференция общесоюзной Партии исламского возрождения, которая дала жизнь многим исламским политическим организациям на всем постсоветском пространстве. Узнает, что именно в Астрахани обосновались многие так называемые ваххабитские общины, которые были изгнаны с Кавказа. Об исламском фундаментализме на Кавказе, и среди ногайцев в частности, достаточно подробно пишет А.А. Ярлыкапов. Эта тема, конечно, требует дальнейших и более детальных исследований, постоянного мониторинга и осмысления – что, я думаю, станет предметом новых работ, написанных нашими авторами.

Наконец, я хотел бы сказать о роли этнографии в изучении ислама. Так сложилось, что в советское время профессиональным исламооведам был закрыт доступ к изучению ислама в регионах СССР. В советской стране ислама, как и секса, как бы не было. Этнография по сути осталась наедине с местным исламом и пыталась своими силами понять, в каком положении находятся мусульманское самосознание и мусульманские обычаи. В последнее время, когда тема перестала быть закрытой для обсуждения, исламоведы потеснили этнографов и заявили о своем исключительном праве на понимание, что такое ислам, обвинив коллег по другой дисциплине в незнании мусульманской истории и соответствующих текстов. Последнее обстоятельство в общем-то соответствует истине и действительно породило массу неточных интерпретаций и сомнительных определений, в том числе упомянутый выше "народный ислам". Однако ислам – это не только тексты (кстати, тоже нередко весьма неоднозначные), но и живые люди со своими взглядами, практиками, стереотипами, со своими очень противоречивыми суждениями и поступками. Поэтому неудивительно, что этнографы по-прежнему выступают в роли тех, кто пишет об исламе, исследует, как письменные правила и нормы преломляются в повседневном быту, и даже ставит под сомнение те или иные исламоведческие "истины". Этнография, как показывает пример рецензируемых книг, по-прежнему сохраняет за собой важное, даже лидирующее место в изучении российского ислама и ни в коем случае не должна терять своих исторически завоеванных позиций.

Не будучи специалистом по тем регионам, о которых говорится в рецензируемых книгах, я не стану, просто не решусь говорить о каких-то недостатках и ошибках. Пусть это станет предметом интереса для других рецензентов и возможных оппонентов. Для меня важнее сам факт появления этих исследований, что говорит о способности российской науки, и этнографии в том числе, следить за современными тенденциями в обществе, формулировать вопросы и предлагать свой анализ социальных и исторических процессов.

ЭО, 2009 г., № 4

© З.Д. Джапуа. Рец. на: **В.Ф. Миллер. Фольклор народов Северного Кавказа: тексты; исследование** / Сост., вступ. ст., коммент., библиогр. указатель А.И. Алиевой. Отв. ред., подгот. текста, пер. с осет. М.И. Исаева. М.: Наука, 2008. 998 с.

Выход книги крупнейшего российского ученого, синтезировавшего в своей многогранной, поразительной по широте диапазона исследовательской и организаторской деятельности лучшие традиции отечественной науки рубежа XIX–XX вв., автора фундаментальных трудов по славистике, востоковедению и кавказоведению, академика В.Ф. Миллера, безусловно, является важным научным событием. Издание приурочено к 160-летию со дня рождения выдающегося ученого-энциклопедиста и реализовано в рамках Научного совета Программы фундаментальных исследований Президиума РАН "Издание трудов выдающихся ученых", в серии "Памятники отечественной науки. XX век", под грифом Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН. Вступительная статья, комментарии, библиографический указатель трудов В.Ф. Миллера по истории, этнографии, религии, языкам и фольклору народов Северного Кавказа и указатель имен принадлежат составителю этой книги, д. филол. н. А.И. Алиевой, а подготовка репринтного воспроизведения текстов фольклора осетин и татов, перевод с осетинского произведений осетинского фольклора, опубликованных с параллельным немецким переводом, – д. филол. н., проф. М.И. Исаеву.

Основной корпус книги состоит из двух разделов: "Тексты фольклора народов Северного Кавказа в записях и публикациях В.Ф. Миллера" и "Исследования фольклора народов Северного Кавказа". В первый (текстовый) раздел входят осетинские тексты – из части первой "Осетинских этюдов" (М., 1881. С. 3–166) и третья – "Образцы южноосетинского наречия" (М., 1887. С. 170–191), из "Fünf ossetische erzählungen in digorischem dialect" (St.-Petersbourg, 1891. С. 1–89), из "Дигорских сказаний" (М., 1902. С. 1–146), из "Осетинских сказок" (М., 1885. С. 113–140) и тексты фольклора горских евреев-татов и татов-мусульман – из "Материалов для изучения еврейско-татского языка" (СПб., 1892. С. I–XXIV, 1–91), из "Татских этюдов" (М., 1905. С. I–III, 1–80), из "Еврейско-татских мѣни" (СПб., 1912. С. 0117–0128). Второй (исследовательский) раздел книги составляют следующие работы ученого: "В горах Осетии. Из дневника" (Русская мысль. Кн. IX. М., 1881. С. 55–105), "Черты старины в сказаниях и быте осетин" (Журнал Министерства народного просвещения, далее – ЖМНП. Ч. ССXXII, август 1882. СПб., 1882. С. 191–207), "Кавказские предания о великанах, прикованных к горам" (ЖМНП. Ч. ССXXV, январь 1883. С. 100–116), "Сообщение о поездке в Горские общества Кабарды и в Осетию летом 1883 года" (Изв. Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Т. VIII. Тифлис, 1884–1885. С. 198–204), "В Горских обществах Кабарды" (Вестн. Европы. Кн. 4. СПб., 1884. С. 540–588), "Кавказские легенды" (Тр. Этнографического отдела. Кн. 7. М., 1886. С. 48–50), "Отголоски иранских сказаний на Кавказе" (Миллер В.Ф. Экскурсы в область русского народного эпоса. I–VIII. М., 1892. С. 37–68), "Кавказские сказания о циклопах" (Этнограф. обозрение. 1890. № 1. М., 1891. С. 25–43), "Кавказско-русские параллели" (Миллер В.Ф. Экскурсы в область русского народного эпоса. I–VIII. М., 1892. Прилож. С. 1–36), "Заметки" (Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1891. Вып. 12. Отд. 1. С. 70–77), «Отголоски "Рустемиады" у курдов» (Этнограф. обозрение. М., 1891. Кн. IX. № 2. С. 201–202), "Отголоски апокрифов в кавказских народных сказаниях" (ЖМНП. Ч. CCLXXXVIII. 1893, июль. С. 94–104).

Несмотря на широту и разнообразие тематики, сборник представляет собой единое целое. Во-первых, благодаря общему подходу к устной духовной культуре, теоретико-методологиче-

---

Зураб Джотович Джапуа – доктор филологических наук, чл.-кор. Академии наук Абхазии, заместитель директора Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии (Сухум).

скому единству ее рассмотрения, к сравнительному, ареальному и семантическому анализу отдельных ее элементов. Во-вторых, благодаря тщательной текстологической работе составителя, выверенному логическому построению материалов и исследований и весьма насыщенной аналитической части книги, написанной известным кавказоведом-фольклористом А.И. Алиевой. Сделано это таким образом, что вся книга в целом совершенно не выглядит простым сборником работ. Включенные в нее тексты и исследования укладываются в стройную логическую последовательность, представляя собой как бы части и главы одной монографии.

Ни один серьезный исследователь кавказского фольклора не обходится без классических изысканий В.Ф. Миллера в этой области. Трудно переоценить общее значение этих трудов. Они являются первоисточником, остовом и началом северокавказской фольклористики. Однако до сих пор фольклористы Кавказа не имели возможности лицезреть записи, публикации и исследования ученого в одной цельной книге, хотя подобные попытки предпринимались и ранее (Миллер 1992, 1998). И вот перед нами первый и, несомненно, очень удачный опыт такого свода, куда вошли все работы В.Ф. Миллера, относящиеся к фольклору разных народов Северного Кавказа в их полном и подлинном виде. (Хочется отметить необходимость подобной публикации и других кавказоведческих трудов ученого, посвященных истории, археологии, языкам и этнологии.) Кавказское фольклористическое наследие В.Ф. Миллера в таком составе, на таком современном эдиционном и академическом уровне издается впервые, и оно, несомненно, является бесценным вкладом в синтез знаний о духовной культуре народов Кавказа.

Книгу предворяет введение, написанное А.И. Алиевой и М.И. Исаевым, в котором сжато, но весьма основательно говорится о значимости В.Ф. Миллера для кавказоведения, о тематике и характере его трудов, о структуре и принципах составления сборника. Существенно, что все фольклорные записи и публикации кавказского фольклора "даются в репринтном воспроизведении, причем тексты фольклора горских евреев и татов-мусульман переиздаются впервые после их публикации более 100 лет назад" (с. 6), а исследования ученого "печатаются без какого-либо вмешательства в их содержание или стиль. Они только приведены в соответствие с нормами современного русского языка, а библиографические ссылки к ним оформлены по сегодняшним издательским правилам" (с. 7).

Издание сопровождается развернутой и очень содержательной статьей А.И. Алиевой "Академик В.Ф. Миллер и развитие российского академического кавказоведения в конце XIX – начале XX в.", дающей исчерпывающее представление о жизненном пути и кавказоведческом (фольклористическом) наследии крупнейшего ученого. Это, пожалуй, самое обстоятельное исследование из всех многочисленных статей и рецензий (их более 30) о деятельности В.Ф. Миллера в кавказоведении¹, имеющее самостоятельное научное значение и очень глубоко освещающее историографию Кавказа. Автор, внимательно изучив не только труды самого В.Ф. Миллера, но и максимальный объем кавказоведческой литературы, рассматривает личность ученого в контексте всей историографии того времени (я бы сказал – "золотого века" в гуманитарном изучении Кавказа), изнутри раскрывает значимость, непререкаемый авторитет, роль выдающегося ученого как первооткрывателя, зачинателя и крупного организатора гуманитарной науки на Северном Кавказе. Действительно, "В.Ф. Миллер заложил основы северокавказской фольклористики, оставив образцы того, как следует фиксировать фольклорные тексты..."; ему "принадлежит первое определение нартского эпоса как общей принадлежности ряда народов Северного Кавказа... В.Ф. Миллер не только весьма точно охарактеризовал основные особенности северокавказского нартского эпоса, но и сформулировал задачи, которые предстоит решать новым поколениям кавказоведов-фольклористов" (с. 53, 54).

Кроме введения и вступительной статьи в научный аппарат сборника входят комментарии, список литературы, труды В.Ф. Миллера по истории, этнографии, религии, языкам, фольклору народов Северного Кавказа (Библиографический указатель), указатель имен, список сокращений, составленные А.И. Алиевой, которые способствуют удобству научного использования книги.

В заключение хочется подчеркнуть, что библиотека кавказской фольклористики пополнилась исключительно ценным академическим изданием, которое являет собой обширный компендиум по истории и теории северокавказской фольклористики.

Примечание

¹ См. литературу, приложенную к рецензируемой книге (с. 961–977, 986), и не вошедшую в этот список статью Б.А. Алборова "Всеволод Федорович Миллер как лингвист-осетиновед" (Алборов 2005).

Литература

Алборов 2005 – Алборов Б.А. Некоторые вопросы осетинской филологии. Книга вторая. Владикавказ, 2005. С. 383–400.

Миллер 1992 – Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Владикавказ, 1992.

Миллер 1998 – Миллер В.Ф. В горах Осетии. Владикавказ, 1998.